

АКТУАЛЬНІ ПИТАННЯ ЛІНГВІСТИКИ ТА ЛІНГВОДИДАКТИКИ

УДК 83.3

Губанов С. А.,
доктор филологических наук,
Международный институт рынка
(Самара, Российская Федерация)

КОНЦЕПТОСФЕРА МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Актуальность когнитивных исследований поэтического текста, дискурса поэзии в синхронии и диахронии, не вызывает сомнений. Привлечение методов и инструментов анализа когнитивной науки в языкознании и поэтике обогащает филологическое знание, делает его объемным и проблемным с самых разных позиций.

Целью работы является анализ и выявление основных базовых концептов творчества М. Цветаевой, вербализованных средствами адъектива и субстантива (“эпитетного комплекса”, в нашей терминологии). Исходя из этого, в статье ставилась задача описать интерпретационное поле концепта “деревья” – ключевого смысла природного мира для поэтики М. Цветаевой.

Центральным понятием когнитивной лингвистики является понятие **концепта** как универсальной познавательной единицы, вербализованной и имеющей различные реализации в культуре и языке. Статус концепта признается за ментальными образованиями любой степени общности, обладающими внутренней семантической расчлененностью, отмеченными этнокультурной спецификой и находящимися фиксированное языковое выражение [3, 254]. Концепты могут быть познавательными и художественными, лингвокультурными (телеономными) и онтологическими и т.д. Остановимся на трактовке метафорического, художественного концепта и метафорической модели как полной реализации художественного смысла.

Категория **метафорической / метонимической модели**, центральная для нашего исследования, предполагает выявление взаимодействия двух структур знания: когнитивной структуры “источника” и когнитивной структуры “цели”. Метафорическая модель устанавливает связь между этими областями.

Само понятие **метафорической модели** имеет разное наполнение. В когнитивной теории она понимается как основная ментальная операция, способ познания и категоризации мира: в процессе мыслительной деятельности, структурированная, как уже отмечалось, двумя взаимосвязанными концептуальными сферами (А. П. Чудинов, И. М. Кобозева). В дескрипторной теории метафоры метафорическая модель (М-модель) формируется набором сигнификаторных дескрипторов (А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов), метафорические модели представляют собой “однородные области источника – однородные с точки зрения опыта человека и, отчасти, семантики”. В этом смысле М-модель в дескрипторной теории метафоры – это “языковая метафорическая модель”. Разные трактовки метафоры тем не менее не проводят непроходимой границы между

когнитивной и дескрипторной теориями: введение в область исследования последней параметра, характеризующего М-модель с точки зрения ее отображений в область цели (так называемая “**стабильность денотативных отображений**” М-модели), объединяет подходы в поиске выявлений закономерностей взаимодействия между концептуальными сферами источника и цели.

Соответствующая ментальная операция по-разному именуется: “концептуальная метафора”, “базисная метафора” [Дж. Лакофф, М. Джонсон], “М-модель” [А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов], “образ-схема” [Дж. Лакофф], “парадигма образов” [Н. В. Павлович], “образ” [Н. А. Илюхина], “модель регулярной многозначности” [Д. Н. Шмелев, Ю. Д. Апресян, А. П. Чудинов], “метафорическое поле” [Г. Н. Складарская] и др.

Исследование метафорических моделей ведется в нескольких направлениях. С когнитивным направлением смыкается исследование регулярной многозначности и регулярности семантических преобразований в рамках лексико-семантического подхода (Д. Н. Шмелев, Ю. Д. Апресян, В. Г. Гак, В. Н. Телия, Г. Н. Складарская, Н. А. Илюхина, Н. А. Кузьмина, А. П. Чудинов). Нужно отметить, что современную лингвистику отмечает синтез обозначенных подходов, тем более что когнитивную лингвистику определяют как “сверхглубинную семантику”, как попытку увидеть за категориями языковой семантики более общие понятийные категории, которые являются результатом освоения мира человеческим познанием. Естественная сосредоточенность когнитивной лингвистики на семантической проблематике и методологическая близость ее к лингвистической семантике объясняет стремление некоторых авторов говорить о когнитивной семантике.

В работах Н. А. Илюхиной, реализующих интеграционный подход, разрабатывается понятие варьирования метафорической модели, его интерпретационные возможности. Выделяются аспекты варьирования образа: лексическое (разнообразное лексическое воплощение метафорической модели), семантическое варьирование (актуализация разных значений) и варьирование его ассоциативных связей (состав характеризуемых ею референтов). Процесс варьирования “интерпретирует саму сущность метафоры”, а аспекты варьирования метафорической модели “определяют основные параметры метафорообразования” [4, 138–139]. Стремление к разностороннему варьированию исследователь обозначает как центробежную тенденцию, которая уравнивается тенденцией центростремительной, которая состоит в “преимущественной актуализации тех смыслов, которые имеют статус типовых, доминантных для этой ММ” [4, 139].

При определении специфики **художественной метафорической модели, художественного концепта** нами учитываются различные аспекты рассмотрения и подходы к интерпретации термина “концепт” в русле лингвокогнитологии, представленной работами воронежской (А. П. Бабушкин, З. Д. Попова, И. А. Стернин), тамбовской (Н. Н. Болдырев, В. Б. Гольдберг, Е. И. Давыдова, Н. В. Ушкова и др.) и московской школ (Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков и др.); психолингвистики (А. А. Залевская, В. А. Пищальникова); лингвокультурологии (Н. Ф. Алефиренко, В. И. Карасик, Н. А. Красавский, В. П. Нерознак, Г. Г. Слышкин, М. В. Пименова и др.).

В своей работе мы исходим из психолингвистического по своей сути понимания художественного концепта как единицы писательского сознания, репрезентированной в одном произведении / цикле / едином тексте художника слова и выражающей индивидуально-авторское осмысление предметов или явлений. В то же время для нас является актуальным и лингвокультурологическое понимание концепта, так как каждый писатель отражает в своем индивидуальном сознании черты национальной концептосферы.

Реализация в тексте произведения подчеркивает одно из важнейших свойств художественного концепта – его коммуникативную направленность. Концепт фиксирует встречу внутренней формы произведения с процессом читательского восприятия, выступая не только структурой хранения знаний, но и явлением, обладающим коммуникативными функциями.

Ключевые концепты поэтической модели мира писателя, вывод о центральном положении которых делается на основе критериев коммуникативной, смысловой и эстетической значимости их ключевых слов-репрезентантов, образуют индивидуально-авторскую концептосферу, отражающую эстетическую программу художника слова, тематическое, идейное и жанровое своеобразие его творчества.

В последнее время появляются работы, посвящённые рассмотрению центральных для творчества М. И. Цветаевой смыслов, или ключевых слов. Из основных, ведущих концептов автора слагается его языковая картина мира. Для М. Цветаевой такими концептами являются концепты *Душа* [2], *Деревья* [7] и некоторые другие, причем количество их у разных исследователей разное (от нескольких до десятка, в том числе *верста, бузина, рябина, дом, Москва* и другие). Основным критерием при их выделении и описании для исследователей выступает их концептуальная значимость для мировосприятия М. Цветаевой, их частотность, наличие одноименных стихотворений и циклов стихов; учитывается их роль в организации поэтического мировидения в определенный период творчества.

В диссертации С. Ю. Лавровой проводится трёхаспектный концептуальный анализ идиостиля М. Цветаевой, предусматривающий наличие трёх типов концептов – экзистенциальных, соотносимых с онтологическим ракурсом исследования (*Природа, Творец, Социум*), гносеологических, определяющих методологию авторского познания мира (*Сущность, Предел*), эпистемических, выступающих как методологические концепты исследователя (*Парадигма, Тожество, Миф, Символ*). Таким образом, осуществляется сквозное моделирование концептосферы М. Цветаевой, состоящей из двух ярусов – экзистенциального и гносеологического [5].

Н. В. Черных исследует ключевые слова в творчестве М. Цветаевой. Значения, присущие ключевому слову, отражают этапы развития мысли в тексте. Ключевое слово аккумулирует в себе всё многообразие смысловых единиц, становится эквивалентом произведению в целом. Кроме того, как показала исследователь, ключевые слова обеспечивают компрессию на уровне текста. По её мнению, ключевое слово (базовый концепт творчества) являет собой ядерную часть семантического поля. Центр семантического поля может приходиться не только на

центр ключевого слова, но может быть и независимым (например, концепт *альт* строится на пересечении семантических полей голоса, высоты и смерти). Чаще всего ключевое слово поэтического текста представляет собой не центр, а периферию, границу совпавших в нём семантических полей. Такой характер, по мнению исследователя, носят следующие ключевые слова: *душа* (*жизнь, смерть*), *сад* (*смерть, флора*), *стекло* (*зрение, смерть*), *закрывать глаза* (*зрение, смерть, творчество*) и т.д. “Подобно тому, как в математике границей называется множество точек, принадлежащее одновременно и внутреннему, и внешнему пространству, граница семантического поля – это сумма семантических “фильтров”, переход сквозь которые, совершённый внутри ключевого слова поэтического текста, переводит одно семантическое поле в другое, пространство семантического поля текста, таким образом, может неоднократно пересекаться внутренними границами, специализирующими его участками в семантическом плане. Информационная трансляция через эти границы образует порождения смысла, возникновение новой информации” [9, 102]. Исследователь приходит к выводу о том, что все ключевые слова творчества поэта (*душа, зрение, жизнь, смерть*) являются вариациями концепта творчества.

Всего нами было проанализировано более 2500 именных контекстов. Глагольная лексика также частично включалась в состав выборки, но лишь та ее часть, которая оказывалась наиболее близкой к именной (причастия, слова категории состояния) и интерпретируемой в качестве эпитета.

Обобщение результатов анализа эпифраз с позиций частотности употребления субстантивной лексики в творчестве М. Цветаевой показывает, что центральными для поэта субстантивами выступают те, которые связаны с человеком, с его телесной и духовной жизнью. Это *глаза* (296 единиц), *рука* (133 единицы), *рот* (*уста*) (102 единицы), *душа* и *сердце* (97 единиц), *любовь* (51 единица). Другими концептуальными сферами, в рамках которых зафиксированы частотные субстантивы, являются сфера природы (концепт *деревья* – 90 единиц) и сфера артефактов (концепт *дом* – 198 единиц).

Представим данные в таблице.

Табл. 1

Состав базовых субстантивов в творчестве М. Цветаевой, вербализованных средствами эпифразы

№ п/п	Концепт	Количество репрезентаций
1	Глаза	296
2	Дом	198
3	Рука	133
4	Рот, губы	102
5	Душа, сердце	97
6	Деревья	90
7	Любовь / страсть	51

Состав выделенных нами базовых субстантивов, вербализованных посредством именной эпифразы, частично коррелирует с теми данными, которые приводит цветаевед И. И. Бабенко, поскольку в центре ее внимания находится ранняя

лирика поета. Приведем перечень выделенных ею базовых концептов (в ее терминологии – ассоциативно-смысловые поля ключевых концептов) творчества М. Цветаевой: *человек как живое существо, природа, цвет, человек и его способности, проявления, время, любовь, социальный статус личности, вероисповедание и религия, жизнь-движение, сон, жилище человека, возраст, творчество, одежда* (в порядке убывания частотности в лирике поэта). Исследователь опирается на системную классификацию понятий, разработанную Р. Халлигом и В. Вартбургом, которая представляет собой группирование частотной лексики, представляющей ассоциативно-смысловые поля ключевых концептов. Она отмечает, что “...можно заметить существование определенной закономерности в том, что целый ряд ассоциативно-смысловых полей концептов в зоне высокой частотности содержит лексемы, вступающие в отношения оппозиционной противопоставленности: *жизнь – смерть, черный – белый*. Целый ряд ассоциатов занимают промежуточное положение и могут быть включены и в другие ассоциативно-смысловые поля концептов, например, ассоциаты: *душа* (концепты *религия* и *человек*)...” [1, 257]. Так, понимание И. И. Бабенко ключевого концепта базируется на критерии частотности употребления слов, его репрезентирующих, а также на максимально абстрактном и обобщенном толковании концепта, которое, скорее, сродни понятию “ментальная сфера” (например, *религия, социум*).

Среднечастотной в ранней лирике поэта предстает группа *человек как живое существо* (45 раз; заметим, что высокочастотной признается лексема, употребленная от 50 до 300 раз, среднечастотной от 10 до 49 раз, малочастотной от 3 до 9 раз), а также группа *природа*. Остальные признаются И. И. Бабенко малочастотными. Приведем количественные данные.

Табл. 2

Количество словоупотреблений и частотность концептов в ранней лирике М. Цветаевой (по данным И. И. Бабенко)

Концепт	Количество словоупотреблений	Частотность
Человек	1518	45
Природа	1009	13
Цвет	724	8
Проявления человека	685	8
Время	526	4
Любовь	463	5
Статус	361	5
Религия	309	3
Движение	254	4
Сон	236	2
Жилище	221	2
Возраст	194	3
Творчество	137	2
Одежда	70	1

Сфера артефактов (*жилище человека*) оказалась более репрезентативной, поскольку учитывался корпус поздних произведений М. Цветаевой, а также проза поэта. Ментальная область *природа* занимает в нашем материале третье место по

частотности, у И. И. Бабенко она на втором месте, что также объясняется объемом выборки.

Необходимо отметить, что все вышеперечисленные частотные смыслы, выраженные при помощи эпифразы, не изолированы друг от друга: в поэтическом тексте происходит их ассоциативно-смысловое взаимодействие и в конкретном семантическом окружении одни из них становятся центральными, другие периферийными, иногда высвечивая другие, не базовые, но актуальные для данного стихотворения смысловые блоки.

При рассмотрении базовых для творчества М. Цветаевой субстантивов, вербализованных в рамках эпифразы, учитывалась возможность их распределения на три ментальные сферы: человек, артефакты и природа; внутри каждой из сфер был детализирован вид концептов – конкретный или абстрактный. Конкретный (предметный) тип концепта соответствует предметным денотативным образам с чувственно воспринимаемым ядром и вербализуются лексикой конкретного значения (*роза, звезда, рука*); абстрактный концепт вербализуется посредством отвлеченных лексем и определяет понятия эмоциональные (*любовь, страх*) и гештальтные (*жизнь, смерть*).

Концепт “деревья” как ключевой субстантив сферы природы

Будучи природным символом, дерево во многих культурах знаменует динамичный рост, природное умирание и регенерацию. Почтительное отношение к дереву в разных культурах основано на вере в его целительную силу. У славян дерево – символ приобщения к миру предков, что обусловлено природными факторами, фольклорно-обрядовыми традициями, земледельческим укладом жизни, мифологическими представлениями о мировом древе жизни. Дерево – плод Матери-Земли. В славянской мифологии дерево рождено от брака земли и неба, его питают не только земля и вода, но и солнечный свет. Соединяя глубину и высоту в пространстве и во времени, дерево выступает как символ памяти о прошлом. М. М. Маковский выделяет у слова “дерево” следующие символические значения: вместилище душ, середина, число, музыка, гармония, чудо, жертвоприношение [6, 134–141]. В русской языковой картине мира наиболее популярным деревом является берёза, часто поэтизируются сосна, дуб, ива, ель, рябина, тополь, клён и липа.

Среди всех образов, представляющих стихии, мир природы – огня, воды, неба, солнца, земли – в идиолекте М. Цветаевой наиболее употребителен именно концепт *дерево*. Дерево как символ жизни, как центр мироздания становится воплощением судьбы поэта. Н. Осипова причисляет концепт *дерево* в творчестве М. Цветаевой к стихиям, связывая растение с медиатором, соединяющим верх и низ, небо и землю. Она считает, что дерево настолько важно в поэтическом мире поэта, что это позволяет ввести такой термин применительно к творчеству М. Цветаевой, как “дендромифопоэтика”. Исключительную важность в связи с этой мыслью приобретает цикл стихотворений “Дерева”.

Концепт *деревья* входит в состав более широкого понятия – “растения”, представленного в цветаевских текстах 90 случаями употребления в составе

эпифраз. В таком широком понимании объектами характеристики являются следующие денотаты: *дерево* (54 единицы), *трава* (15), *лес* (11), *луг* (10).

1. *Дерево* (54 единицы).

С именем концепта “дерево” зафиксированы в качестве эпитетов следующие лексемы: *бессонный* (5), *воскресающий* (3), *доверчивый* (2), а также единично представленные *льстивый*, *мертвый*, *многолюбивый*, *невесомый*, *невинный*, *нежный*, *поклонный*, *простоволосый*, *пьющий*, *сорвавшийся*, *страждущий*, *тайный*, *тоскующий*, *трезвый* и др.:

Простоволосые мои, // *Мои трепещущие* [8, т. 2, 46]; *Древесная – сильная* кровь [8, т. 2, 17]; *Дерево, доверчивое* к звуку... [8, т. 3, 562]; *Как дерево-машет-рябина* в разлуку [8, т. 2, 26]; *В этом бешеном беге* *дерев бессонных* [8, т. 2, 25]; *Дерево* моё *невесомое!* [8, т. 1, 223]; *Деревья с пугливым* наклоном [8, т. 2, 122]; *Простоволосые* мои, мои *трепещущие* [8, т. 2, 146]; *Лавины лиственные*, руины *лиственные* [8, т. 2, 149]; *В островах страждущих* хвой... [8, т. 3, 26]; *Наклоном пугливым*, а может – *брезгливым* [8, т. 2, 48].

2. *Трава* и отдельные растения (15 единиц).

Под серпом равнодушны – травы [8, т. 3, 582]; *Многолюбивый роняю мирт* [8, т. 2, 62]; (*цветок*) *Змееволосый, Звездочистый, Не смертоносный*, – *Сам без защиты* [8, т. 2, 67]; *Тянулись гибкие цветы*, как *зачарованные змеи* [8, т. 1, 22]; *Тройной тоскующий* тростник [8, т. 3, 13]; *Березовое* серебро, *Ручьи живые* [2, 144]; *Там лавр растёт – жестоколист и трезв* [8, т. 2, 236]; *Льстивые* ивы... [8, т. 2, 39]; *Ошалелые столбы тополей...* [8, т. 1, 377]; *С дубом – то, с безгубым – то* [8, т. 3, 673]; *Знаешь – плющ, обнимающий* камень [8, т. 2, 451].

3. *Лес* (11 единиц).

Ввысь сорвавшийся лес [8, т. 2, 147]; *Сонный, бессонный* лес [8, т. 1, 281]; *Чешский лесок – // Самый лесной* [8, т. 1, 20]; *Так же как мертвый* лес... [8, т. 2, 360].

4. *Луг* (10 единиц).

Под лугом – жгуцим и пьющим... [8, т. 2, 17]; *Все также сонными* лугами... [8, т. 1, 510].

Особого внимания заслуживает параллель: “кровь – смола”, свидетельствующая очеловечиванию дерева: *Березовое серебро*, // *Ручьи живые* [8, т. 2, 144]; *Смоль. // Стонущую* под нажимом [8, т. 2, 123]. Этот факт говорит в пользу мифологической трактовки переносов. Наиболее часто встречающимися именами концепта являются *бузина* и *рябина*. О. Г. Ревзина отмечает, что *рябина* и *бузина* являются языческими тотемными деревьями и в христианской религии признаются нечистыми. М. Цветаева ощущает связь с данными деревьями как с хранителями памяти о природном родстве человека и мира. Целью же поэта, по мнению О. Г. Ревзиной, было включение данной темы в культурную парадигму своего времени и вскрытие архетипического слоя данного концепта, причём осмысление шло по логике и чутью своего поэтического языка [7]. Деревья лечат душу, спасают: *Деревья! К вам иду! Спаситесь // От рёва рыночного!* Они получают символическую окраску при помощи эпитетов: *дуб боготорческий*, *ивы-провидицы*, *берёзы-девственницы* и т.д. Деревья устремлены

ввысь (*ввысь сорвавшийся лес!*). Среди признаков номинаций концепта преобладают персонифицированные эпитеты: *равнодушные* (травы), *льстивые* (ивы), *ошалелые* (тополя), что подтверждает мысль о массовости использования переносных эпитетов данной семантики М. Цветаевой при осмыслении природного мира.

Описание ключевого концепта в составе эпитетных единств, использованных в творчестве М. Цветаевой, показало, что большинство из них связано с антропоморфной семантикой, причем это выражается как в номинациях самих концептов, так и в подавляющем большинстве эпитетов, употребляющихся при них. Достижения количественной и когнитивной лингвистики позволяют расширить возможности интерпретации смыслов поэтического текста, уточнят роль отдельных концептов в смыслообразовании.

Литература

1. Бабенко И. И. Коммуникативный потенциал слова и его отражение в лирике М. Цветаевой : автореф. дисс. ... к. филол. н. : 10.02.01 "Русский язык" / И. И. Бабенко. – Томск, 2001. – 22 с.
2. Войтехович Р. С. Образ Психеи в творчестве М. Цветаевой / Р. С. Войтехович. – М. : Просвещение, 2003. – 202 с.
3. Воркачев С. Г. Концепт счастья в русском языковом сознании : опыт лингвокультурологического анализа / С. Г. Воркачев. – Краснодар, 2002. – 236 с.
4. Илюхина Н. А. О роли метонимии в интерпретации концептосферы "человек" (на материале ментальной модели "вместилище") / Н. А. Илюхина // Вестник СамГУ. – Гуманитарная серия. – 2002. – № 2. – С. 114–121.
5. Лаврова С. Ю. Концепт "дом" в модели мира М. Цветаевой (на материале стихотворения "Чердачный дворец мой...") / С. Ю. Лаврова // Шестая цветаевская международная научно-тематическая конференция (Москва, 9–11 октября 1998 г.) : [сборник докладов / отв. ред. В. И. Масловский]. – М. : ДМЦ, 1999. – С. 230–235.
6. Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках : картина мира и миры образов / М. М. Маковский. – М. : Владос, 1996. – 416 с.
7. Ревзина О. Г. Тема деревьев в поэзии М. Цветаевой / О. Г. Ревзина // Труды по знаковым системам. – Тарту. – 1982. – Вып. 576. – С. 141–148.
8. Цветаева М. И. Собрание сочинений : [в 7-ми т.] / М. И. Цветаева. – М. : Эллис-Лак, 1996.
9. Черных Н. В. Семантическая емкость слова (на материале творчества М. Цветаевой) : дисс. ... к. филол. н. : 10.02.01 "Русский язык" / Н. В. Черных. – Ростов-на-Дону, 2003. – 297 с.

Аннотация

В статье дается обзор когнитивного корпуса исследований по цветаеведению в лингвистическом аспекте; рассматривается когнитивное наполнение одного из природных концептов текстов Цветаевой – концепта "дерева", указываются интерпретационные механизмы метонимического адъектива.

Ключевые слова: концепт, идиостиль, идиолект, М. Цветаева, эпитет.

Анотація

У статті дається огляд когнітивного корпусу досліджень із цветаєвознавства в лінгвістичному аспекті, розглядається когнітивне наповнення одного з природних концептів текстів Цветаєвої – концепту "дерева", вказуються інтерпретаційні механізми метонімічного ад'єктива.

Ключові слова: концепт, ідіостиль, ідіолект, Цветаєва, епітет.

Summary

In the article review of the cognitive case of researches on a cognitive corpus in linguistic aspect is given, cognitive filling of it from natural concerts of texts of Tsvetaeva – a concept “trees” is considered, interpretative mechanisms of metonymy adjective are specified

Keywords: concept, idiostyle, idiolect, Tsvetaeva, epithet.

УДК 811.163.2

УДК 811.162.1

Скалкина Я. Ю.,
аспирантка,
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова
(Российская Федерация)

ТЕНДЕНЦИИ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ И НАЦИОНАЛИЗАЦИИ В КОМПЬЮТЕРНОЙ ЛЕКСИКЕ БОЛГАРСКОГО И ПОЛЬСКОГО ЯЗЫКОВ

Общественные, научные и технологические изменения, происходящие в последние двадцать лет, безусловно, отражаются на различных языках, в том числе польском и болгарском, особенно на лексическом уровне. Даже в ненаучных текстах, а особенно в средствах массовой информации, резко возросло количество терминов и слов, произведенных от них, что может объясняться “невероятно ускорившимся развитием науки и высокой степенью заинтересованности носителей языка в результатах этого развития” [9, 12]. В современных польском и болгарском языках реализуется тенденция интеллектуализации, которая действует неразрывно с демократизацией: множество компьютерных терминов уже стали частью языка повседневного общения, а количество пользователей постоянно увеличивается. Безусловно, в речи компьютерных специалистов изобилует английская терминология. Английский язык служит не только средством коммуникации, но и источником заимствования новых слов. В нашей статье объектом исследования является прежде всего компьютерная лексика, поскольку изменения, наблюдаемые в ней, наиболее ярко отображают актуальные тенденции развития языков на лексическом уровне. В качестве материала мы использовали статьи и дискуссии, размещенные на специализированных форумах и сайтах, профессиональные журналы, словари неологизмов.

Исследованию неологизмов, относящихся к языку компьютерных технологий, механизму их заимствования, словообразовательным, морфологическим и стилистическим особенностям посвящено большое количество статей болгарских и польских ученых. Большинство исследователей полагают, что заимствование иностранных слов – это один из способов пополнения лексического состава языка, особенно в случае, когда возникает необходимость обозначения новых понятий, процессов и явлений. В основном работы построены на анализе тенденций, о них пишут и польские исследовательницы К. Вашакова и Т. Смулкова, изучающие неологизмы в целом. Под языковой тенденцией вслед за Гутшмидтом понимаются процессы в языке, которые определяют его динамику и развитие в определенный